

Kolesnyk A., PhD student

Ivan Franko Drohobych state pedagogical university, Drohobych

THEMATIC DIRECTIONS OF JEWISH DISCOURSE IN THE ARTISTIC PROSE BY IVAN FRANKO

In the article specific character of the Jewish theme artistic realization is considered and the thematic directions of Jewish discourse in the artistic prose by Ivan Franko are determined taking into consideration social and historical context of Halycia at the end of XIX – beginning of XX centuries.

Key words: *intercultural communication, Halycia.*

УДК 82-14

Е. Ластовина

ГБОУ ДПО ВГАПКиПРО, Волгоград

УКРАИНСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Л.В. ШЕВЧЕНКО

В статье проанализирован «украинский цикл» стихотворений Л. В. Шевченко.

Ключевые слова: *Украина, «крымский текст», Киев, Г. Сковорода, пространство, город.*

В поэтических и прозаических произведениях Леонида Шевченко, создававшихся преимущественно в конце его творческого пути, присутствует значительное количество украинских реалий, позволяющее выделить и проанализировать «украинский текст» у данного автора, обусловленный биографическими обстоятельствами: прежде всего, фамилией, что обыгрывается в стихотворении с символическим названием «Этнос» («Украина-мамка тычет в меня пальцем, / путает с моим усатым однофамильцем»), а также проживанием в указанном государстве. Таким образом, можно говорить об «украинском цикле» в поэзии Л. Шевченко, сформированном стихотворениями «Бортнянский (возможный вариант)», «Украина» и микроциклом «С Григорием Саввичем автостопом».

Отсутствие термина «украинский текст» как в отечественном, так и в украинском литературоведении, в некоторой степени компенсируется длительным существованием «крымского текста», активно разрабатываемого А. Люсым, выявившим, что «крымская тема в русской литературе берет начало с «Корсунской легенды», повествующей о походе киевского князя Владимира на Херсонес, с чего берет начало крещение Руси» [1].

Крымские мотивы прослеживаются уже в первой книге Л. Шевченко, где одним из основных мест действия является Российская империя 19-го века, так что намек на Крымскую войну 1853–1856 гг. выглядит правомерно: «Убивали в Крыму, но листки пожелтели

в столицах» [2: 170]. В другом тексте из того же сборника отразился древнегреческий компонент крымского мифа, наряду со сменившим его итальянским: «Отрадно все, чем жили Сиракузы, / прекрасно все, чем оставался Рим. / Проглатывая черепок медузы, / плывет на плаху бесконечный Крым» [2: 152].

Из всех городов Крымского полуострова особого внимания поэта удостоивается Ялта, которой посвящается одноименное стихотворение, возникшее по причине того, что именно в ней снималась культовая кинолента эпохи перестройки: «Они, наверное, не смотрели «Ассу», / фильм перестроечный – а мы смотрели фильм. / Поэтому что с нами может быть / хорошего? / Смерть, юность, Ялта, / наркотики и город золотой» [3: 36]. «Город золотой» – название песни, исполненной группой «Аквариум» для «Ассы» в качестве саундтрека, чье влияние на молодежь того периода трудно переоценить, в частности, из-за звучащей в финале песни «Мы ждем перемен» группы «Кино».

Мы так детально рассматриваем тему музыки, поскольку она – одна из главных в поэтической системе Л. Шевченко, в том числе и в «украинском цикле». Персонажи анализируемого стихотворения («гуляют по январской Ялте, рок / психоделический им слышится везде / и хулиганская друидская вольнка»): жанр психоделического рока и вольнка маркируют европейское пространство, репрезентированное в «украинском цикле» стихотворением «Бортнянский (возможный вариант)», включающим образ собственно Европы: «Европа на флейте играла, / и Глюк еще не изгнал генерал-бас».

В заглавие стихотворения вынесена фамилия крупного украинского композитора 18-го века. Жизненный путь Д. С. Бортнянского, изучавшего теорию музыки в Петербурге, а затем в Венеции, продуцирует «итальянский текст»: «Ах, лучше всего Венеция, бабочки, трели. / Дьявол Тартини, пудреница, смычок... / Потому что ангелы предпочитают Корелли, / какой-нибудь легкомысленный пустячок» [4]. Обучение за границей не было большой редкостью, ведь до середины 18-го века, по утверждению С. Крымского, украинская культура развивалась «как общеевропейская – студенты Киево-Могилянской академии бродят как ваганты по всей Европе, на Подоле венецианские купцы торгуют латинскими книгами» [5], но еще крепче были связи украинской и немецкой культур: «А в сапоге немецком нож и бутылка горилки». Здесь нужно обозначить влияние немецкой традиции на украинскую мифологию, актуализируемую гоголевским интертекстом, представленным повестями «Вий» и «Вечер накануне Ивана Купала»: «Хома-философ, который Псалтырь открыл, / а круг забыл начертить. Подсолнух и кровь помидора, / Басаврюк с мешком вваливается в шинок. / Хома-философ будет сочинять для хора, / и панночка поделует его в висок. / А потом появляется Вий и пиши пропало». Герои Н. Гоголя реализуют оппозицию инфернального (эксплицированного лексемами «черти», «Басаврюк», «Вий», «Дьявол», «Стик») и сакрального (эксплицированного лексемами «Псалтырь», «ангелы», «бумажный Спас», «богослов», «крест»).

Свидетельством того, что украинская тема «теснейшим образом связана с темой нечистой силы» [6], служит стихотворение «Украйна», где выводятся демонологические персонажи, а образ Вия конкретизируется: «Ведуны мои дежурят у днепровской переправы, / вурдалаки учреждают в донецких степях заставы, / глаза тарашит идолбандурист / и дрессирует гигантские подсолнухи Вий-националист» [7]. В данном тексте наблюдаются и элементы фантастического реализма: «Растет бамбук на киевском дворе, / хоронятся в подсолнухах павлины / и крокодилы царствуют в Днепре».

Завершая характеристику стихотворения про Борзнянского, надо отметить амбивалентность образа родного города композитора: «он возвращался в свой Глухов, / в малороссийский Эдем, в абрикосовый Вавилон». Грешный Вавилон сопоставляется с райским садом. Топос сада – «типичной приметы украинского сельского ландшафта – укоренен в глубинах мифологического, в частности – национального мифопоэтического мышления» [8]. В контексте процитированного отрывка он выступает атрибутом члена бинарной оппозиции «город / село», отображая традиционный конфликт урбанистической и сельской культуры, гиперболизируемый волгоградским автором в свойственной ему ироничной манере: «На Украине ужасно много садов. Сады угрожают городам. За вырубку власти платят деньги» [3: 188].

С другой стороны, город и сад могут не только противопоставляться и/или сопоставляться, но даже совмещаться в единое целое, воплощаемое в образе города-сада: «Всякому городу нрав и права! / У этого города химерическая голова / в древнем гербе, а вокруг полевые венки. / Там производят ореховое мороженое, вареники и брелки. / Я был проездом и я вернусь назад, / клянусь на Спинозе, это “божественных песней сад”!». Парафраз названия сборника лирических произведений выдающегося украинского философа Г. Сковороды «Сад божественных песен» и сознательная реминисценция на знаменитую 10-ю песню «Всякому городу нрав и права» содержится в семичастном микроцикле Л. Шевченко «С Григорием Саввичем автостопом», соединившем черты жанров литературного портрета и травелога: «Я был на дороге, которую вдоль и поперек / исходил Григорий Саввич – харьковская “звезда”» [3: 115].

В самом начале микроцикла показывается контраст настоящего («крайняя незначительность этого настоящего») [9: 46] и прошлого: «Где мир, который меня ловил? / – Отгрел железками, махровую сирень вскормил, / профукал все, что профукал мог, / повесил на шею сувенирный черепок / и разлеся у моих ног». Дальнейшие строки иллюстрируют корреляцию в сознании Л. Шевченко украинского пространства с архетипом прекрасного, но потерянного рая: «Куда подевались славные цеховые города? / Веснушчатые женщины, петушки из цветного льда? / Что же делать теперь, Григорий Саввич Сковорода?». А в финале цикла поэт предлагает альтернативную версию смерти Сковороды: «А как начнется абрикосопад – / уноси ноги, латинист, коротышка, собрат. / Или стой на месте и не вешай нос – черепаха убила Эхила, тебя – абрикос».

В третьей части появляется топос Киева и ключевая фигура Киевской Руси – Владимир Креститель («Святой Владимир испытывает духовный голод»), подключая религиозный контекст, где центральное место занимают сюжет крещения и соперничество язычества с христианством: «бесовский инструментарий попы подошли, / и в барабаны ударили крешенные русалки» [3: 112].

Киев принадлежит к концентрическому типу города: существующее в течение многих веков его отождествление с Иерусалимом позволяет говорить «о двух формах бытования этой идеи на Руси: Иерусалим = Киев и Иерусалим = любой город (в той или иной степени). Для Киева равенство Иерусалиму было настолько актуально, насколько оно предполагало равенство Константинополю» [10]. Идею священного города наиболее интенсивно воплотила «Легенда о граде Китеже». В стихотворении «Карта», не входящем в «Украинский цикл», продемонстрирована взаимозаменяемость перечисленных выше

топонимов: «Он меняет свои имена в зависимости от / положения дел на фронте зороастрийском. / Киев, Константинополь, Иерусалим, Китеж-град» [3: 103].

В XI в. древнерусская столица обзавелась таким сооружением сакральной архитектуры, как аналогичными константинопольским Золотыми воротами: «На Золотых воротах череп, сосуд и змея. / Под Золотыми воротами травку щиплет коза. / И нельзя смотреть, потому что слезятся глаза» [3: 113].

Кроме того, Л. Шевченко антропоморфизует киевский топос («Киев, Киев, арбузная корка на твоей голове, / костыль у тебя в штанине, протез в рукаве») и прорисовывает противостояние периферии и имперского центра: «На Слободской Украине бурелые помидоры, / почерневшие меловые горы, / и воют из-под земли заваленные шахтеры, / а в Киеве сидят министры / и кровь народную пьют из канистры, / а повсюду говорители и писатели кривды, / и ходят по рукам радужные гривны, / и вылазит из дула автомата / яблочный червяк на ученьях НАТО». В этом отрывке Киев совпадает с образом современного мегаполиса – одним из четырех образов Киева, выделяемых исследователями на данном этапе развития «киевского текста». Другой образ, выявленный нами у Л. Шевченко, из этих четырех – «Киев хтонический, пещерный, погруженный в прошлое» [11]: «а в пещерских пещерах темные реки текут, / и мумии партесный концерт поют».

Подводя итоги, мы можем констатировать, что в творчестве Л. Шевченко раскрываются культурно-исторический, литературно-философский и социально-политический аспекты украинского пространства, а украинские топосы имеют двойственную природу, наполняясь как положительной, так и отрицательной семантикой: «На Украине нет никому никакой радости: по телевизору – Киев, на площадях – руховская демонстрация. Но пиво на Украине приличное (как светлое, так и темное)» [3: 188].

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. *Люсый А. П.* Крымская тема как до-текст (архитект) Крымского текста / А. П. Люсый. – Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/authors/lusy?library=398>.
2. *Шевченко Л. В.* История болезни / Книга стихотворений. – Волгоград: Управление печати и информации Волгоградского облсовета, 1993. – С. 129–200.
3. *Шевченко Л. В.* Мистерии / Л. В. Шевченко. – Волгоград: «Издатель», 2003. – 288 с.
4. *Шевченко Л. В.* Стихи / Л. В. Шевченко // Арион. – 2003. – № 2. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/arion/2003/2/shevch.html>.
5. *Крымский С. Б.* Архетипы украинской культуры / С. Б. Крымский // Вестник НАН Украины. – 1998. – № 7–8. – С. 74–87.
6. *Назаренко М.* Альбом С. И. Пономарева «Киев в русской поэзии» / М. Назаренко // Літературознавчі студії. – Вип. 7. – К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2004. – С. 212–225.
7. Цитируется по рукописи из семейного архива наследников с разрешения Ю. Шевченко.
8. *Барабаш Ю.* Украина Тараса Шевченко: словообраз, дискурс, «текст» / Ю. Барабаш // Вопросы литературы. – 2008. – № 4. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2008/4/ba8.html>.

9. Булкина И. С. Киев в русской литературе первой трети XIX века: пространство историческое и литературное: дис. ... доктора филол. наук: 10.01.01. / Булкина Инна Семеновна. – Тарту, 2010. – 213 с.

10. Долгов В. В. Быт и нравы Древней Руси / В. В. Долгов. – М.: Яуза, Эксмо, 2007. – 512 с.

11. Кохановская Т. Украинский вектор / Т. Кохановская, М. Назаренко // Новый мир. – 2012. – № 10. – С. 209. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2012/10/u21.html.

Стаття надійшла до редакції 26.06.13

Е. Ластовина

ГБОУ ДПО ВГАПКіПРО, Волгоград

УКРАЇНСЬКИЙ ПРОСТІР В ХУДОЖНІХ ТВОРАХ Л.В. ШЕВЧЕНКО

У статті проаналізовано «український цикл» віршів Л.В. Шевченка.

Ключові слова: Україна, «кримський текст», Київ, Г. Сковорода, простір, місто.

THE “UKRAINIAN CYCLE” OF POEMS BY L.V. SHEVCHENKO

The «Ukrainian cycle» of poems by L.V. Shevchenko is analysed.

Key words: Ukraine, Crimean text, Kiev, G. Skovoroda, space, city.

УДК 82.0

М. Мірсаєвілі, докт. філолог. наук, професор

Сухумський державний університет, Тбілісі

ПАРАБОЛІЧНА ПОЕТИКА ТА МІФ У РОМАНІ ХХ СТОЛІТТЯ

Міф став одним із центральних понять соціології та теорії культури ХХ століття. У сучасному романі міф використовується як спосіб акцентування певних ситуацій з античної чи біблійської міфології (прямим шляхом або шляхом контрастного порівняння). Саме техніку префігурації (тобто «введення») міфологічних мотивів та архетипу в роман) розглядає автор даної статті.

Ключові слова: міф, префігурація, полівантність, «логічний реалізм», параболізм.

Відомо, що у всі часи та епохи міфу відводилася визначна роль у сфері теоретичного та філософського мислення. Незважаючи на різне відношення до міфології, міф став одним із центральних понять соціології та теорії культури ХХ століття. На думку Елізара Мелетинського, така реінкарнація міфу базується на новому, апологетичному відношенні, коли міф розглядається як вічно живе втілення [1 : 10].